

Волкова А. В.

СЕТЕВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Аннотация. В статье анализируются формы сетевой гражданской активности как «гражданская наука». Проблема «цифровой бдительности» затрагивает вопросы отношений государства и граждан в условиях сетевого, цифрового общества, особенности формирования сетевой этики и анализ восприятия гражданами цифрового публичного пространства.

Ключевые слова: публичная политика, цифровизация, сетевое публичное управление, гражданская наука, электронное правительство, цифровая бдительность.

Сетевизация и цифровизация общества затрагивают сегодня все сферы человеческой активности: обуславливают изменения способов коммуникации и социализации, трансформируют языковые практики и обыденные привычки, вновь ставят под сомнение концепцию национального государства, расширяя и размывая границы. Интенсивное развитие различных форм гражданской коммуникации, (гражданского участия, гражданского контроля) сказывается на процессах публичной. Массовое распространение и доступность всевозможных гаджетов, популярность социальных сетей и СМИ в сочетании с идеологией административных преобразований, ориентированных на «вовлечения граждан в публичность», обеспечивают высокую степень охвата и участия граждан, открытость процедур и коммуникативных практик, вот почему построение цифровой экономики связывается с преодолением культурных барьеров и развитием человеческого капитала [1].

Среди современных коммуникативных общественных инноваций «гражданская наука» (citizen science) по целому ряду параметров обладает значительным потенциалом в качестве стимула обществен-

---

¹ Исследование выполнено по гранту РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований».

ного развития. Гражданская наука — концепция, в рамках которой к исследованиям ученых-профессионалов привлекаются добровольцы. В основе такого взаимодействия лежит идея добровольчества и технологии веб-краудсорсинга. Оксфордский словарь английского языка определяет ее как «сбор и анализ данных, относящихся к миру природы, представителями широкой общественности, как правило, в рамках совместного проекта с профессиональными учеными». Для российского публичного пространства и для отечественной науки феномен «гражданской науки» является новым [2] и сам термин часто ошибочно воспринимается как антоним понятию «военная».

Между тем особую актуальность гражданская наука приобретает в связи с новейшими исследованиями распределенного познания: сегодня публичная коммуникация экспертов с неэкспертами определяет процесс производства научного знания, которое затем становится основанием принятия значимых социально-политических решений. Безусловно, идея участия в научных исследованиях непрофессионалов, самоучек, любителей не нова, во все времена были подвижники и активисты, способствовавшие развитию науки. Но о «гражданской науке» в ее современном смысле и значении, как новом виде сетевого публичного взаимодействия, как о массовом явлении, стало возможным говорить в связи с повсеместным распространением и доступностью персональных гаджетов и резко возросшей ролью социальных сетей и сетевых медиа [3].

В мире возникли уже тысячи гражданских научных проектов, часть из которых достигла своих целей и завершилась, а часть — Всемирный день птиц (ведущий свой отсчет с 1900 г.) или CoCoRaHS (наблюдение за погодой) — являются долгосрочными проектами. Современная гражданская наука начинается с интереса, который профессиональные ученые пытаются вызвать у граждан, создавая научно-популярные интернет-каналы, страницы в социальных сетях, научно-популярные публикации и т. д. Вовлечение общества в различные форматы взаимодействия не только создает инновационные подходы к развитию гражданской активности, но и ориентирует на обучение и развитие образования. Речь идет об усилении научно-политического и социального воздействия научного прогресса, о повышении научной грамотности и расширении гражданских прав и возможностей в современных обществах.

Для оптимизации сетевого публичного управления значимо и то, что гражданская наука может внести позитивный вклад в формирование социального благополучия и улучшение социального климата через обеспечение общественного консенсуса и солидаризацию общества [4; 5], а также за счет изменения мнения граждан, участвующих в проектах гражданской науки, о ценности своего голоса и повышения их самооценки. В условиях, когда по всему миру разочарование в электоральных процедурах (Брекзит, Каталония и т. д.) и в демократии в целом способствует политическому абсентеизму и нарастанию протестных настроений, проекты «гражданской науки» реабилитируют процедуры участия, голосования, формирования статистических данных, они возвращают ценность отдельного голоса.

Следует отметить, что «гражданская наука» акцентирует внимание общественности на социально значимых направлениях, выполняя тем самым важную пропагандистскую функцию: привлечение внимания граждан всего мира к экологическому мониторингу, вопросам рационального использования природных ресурсов, климатическим изменениям. Она способствует формированию публичных ценностей и вновь объединяет людей вокруг идеи «общего блага» [6]. Ее общественно-научные проекты обладают значимым потенциалом в плане развития межсекторного партнерства, взаимодействия структур науки, образования, бизнеса, государственных структур и гражданских активистов [7]. Проекты «гражданской науки» выполняют важную функцию *социального научения* (обучения в ходе практической деятельности, путем проб и ошибок), на что обращает свое внимание ряд зарубежных исследователей [8]. Социальное научение означает, что люди приобретают опыт, вовлекаются в процесс сотрудничества, учатся сотрудничать, задумываются о своей деятельности в контексте постановки общезначимых целей и публичных ценностей, получают навыки выработки коллективных суждений.

Вклад «гражданской науки» в развитие публичной цифровой коммуникации не может быть сведен только к техническим моментам (развитие у граждан пользовательских навыков, освоение нового программного обеспечения, повышение цифровой грамотности и т. д.), она рассматривается нами как путь, способствующий инклюзивному развитию общества с ориентацией на солидаризацию и устойчивость. Генерируя новые идеи и стимулируя инновации,

она ориентирует общество на решение насущных социальных проблем, формирует ответственное отношение к территории, стране, планете и тем самым развивает гражданские способности.

Сети признаются сегодня наиболее эффективным видом связи государства и гражданского общества, но далеко не все современные коммуникативные общественные инновации воспринимаются однозначно как экспертным сообществом, так и гражданским обществом. Так явление «цифровая бдительность» (“digital vigilantism”) оказалось в поле зрения современных исследователей-обществоведов как один из вызовов цифровизации. Впервые понятие «бдительность» (применительно к гражданской активности) привлекает внимание западноевропейских юристов, специалистов в области уголовного права и криминологами в 1990-х. Растет число публикации в специализированных журналах, обществоведы выражают свою обеспокоенность по поводу трансформаций гражданской бдительности [9]. Изначально она понимается как защитная реакция со стороны общества, выступающего за общепринятые нормы и правопорядок, но процессы сетевизации, цифровизации общества обостряют проблему, заставляют трактовать ее шире, чем деятельность в сфере охраны правопорядка и криминологии. И. Монкада разрабатывает концепцию бдительности как коллективного использования или угрозы нелегального насилия в ответ на предполагаемое преступное деяние [10]. «Цифровая бдительность», имеющая место в социальных сетях, социальных медиа, все чаще рассматривается в контексте негативных последствий и эффектов. Это практика высмеивания, осуждения и травли людей, которые еще только подозреваются в совершении преступления или неблагоприятного поступка. Более десяти лет назад К. Денис поставил проблему нового типа гражданской ответственности. Он высказал вполне справедливые опасения, что эта новая гражданская активность в условиях сетевого, цифрового общества оказывается нерегулируемой и лишенной всяких ограничений [11]. Сегодня эта проблема интернациональна и особенно остро ощущается в мегаполисах и технологически продвинутых регионах. Д. Тротье трактует цифровую бдительность как форму опосредованного и скоординированного действия, отправной точкой которого является моральное возмущение (или общее чувство оскорбления), как правило, в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства и через социальные платформы [12]. В ответ на это

правонарушение пользователи мобилизуются и формируют реакции, которые в ряде случаев обладают лавинным характером. Подобные кампании основаны на ряде криминологических мотивов, включая реагирование на криминальные события, а также предотвращение потенциальных нарушений.

Текущий социальный и политический дискурс в значительной степени формируется как путем очевидных, так и не очень очевидных механизмов и практик. К примеру, использование современных цифровых медиа создают конкретные возможности и формируют культурные ожидания (открытость, равенство, справедливость) в отношениях между рядовыми гражданами или в отношениях граждан с государством. Из-за легкости, с которой пользователи могут искать, запрашивать и распространять личную информацию, социальные медиа все чаще используются для мобилизации и манипуляций. В качестве примеров можно привести как сети взаимопомощи (катастрофические пожары 2010 г., наводнение в Краснодарском крае и Иркутске), так и организацию протестных митингов (Белая лента, защита Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и т. д.), и движение «Догхантеров» (истребление бродячих собак), серьезно осложнившее социально-политическую ситуацию в Санкт-Петербурге.

В современной России все чаще заявляют о себе группы, борющиеся за общественный порядок и общественную мораль. В некоторых случаях они действуют как серьезные масштабные сетевые организации. Кроме «Догхантеров» наибольшую известность получили движения «СтопХам», «Синие ведерки», «Лев против». Поводом для такой мобилизации становятся резонансные случаи нарушения общественного порядка (нарушение правил парковки и ПДД, выгула собак, распитие спиртного), когда государство, по мнению общественности, не справляется или действует недостаточно эффективно. Гражданское общество активизируется, мобилизуется для выявления нарушителей, подозреваемых. Структуры, организованные по сетевому принципу, перехватывают у государственных органов инициативу по порицанию нарушителей и возмездию, которое из-за практики распространения в социальных сетях фото- и видеоматериалов становится настоящим перформансом. Это касается, прежде всего, деятельности современных популярных псевдополицейских организаций и движений, которые самовольно взяли на себя контроль над общественным порядком.

Таким образом, стремление граждан к соблюдению норм, возникающая как явление позитивное, может приобретать различные формы, вплоть до девиантных (в случаях, когда целью становится экзальтированное привлечение внимания публики, когда общественное порицание превращается в сетевое реалити-шоу, а возмездие — в зрелище).

Девиантные проявления «цифровой бдительности» заставляют всерьез задуматься о специфике восприятия гражданами цифрового публичного пространства. Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Цифровая бдительность является междисциплинарной проблемой, которая требует как концептуализации, так и серьезного эмпирического исследования. Для феномена гражданской «цифровой бдительности» важны эмоции, эмоции и реакции доминируют над фактами, и это роднит цифровую бдительность с таким явлением, как постправда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А. А. Цифровая экономика: человеческий фактор. Стенограмма лекции 25.06.2019. URL: <https://polit.ru/article/2019/06/25/auzan> (дата обращения: 05.07.2019).
2. Волкова А. В. Потенциал «Гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования. 2019. № 1. С. 41–50.
3. Bonney R., Phillips T. B., Ballard H. L., Enck J. W. Can citizen science enhance public understanding of science? // *Public Understanding of Science*. 2016. № 25 (1). P. 2–16. URL: <https://doi.org/10.1177/0963662515607406> (дата обращения: 24.06.2019).
4. Chapman C., Hodges C. Can Citizen Science Seriously Contribute to Policy Development?: A Decision Maker's View // Luigi, C. and Jaume, P. (eds.), *Analyzing the Role of Citizen Science in Modern Research*, P. 246–261. Hershey, PA, USA: IGI Global. 2017. URL: <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0962-2.ch012> (дата обращения: 24.06.2019).
5. Hecker S., Bonney R., Haklay M., Hölker F. et al. Innovation in Citizen Science — Perspectives on Science-Policy Advances // *Citizen Science: Theory and Practice*. 2018. № 3 (1): 4. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.5334/cstp.114> (дата обращения: 24.06.2019).
6. Sheldon D., Ashcroft, R. Citizen Science — where has it come from? // *They walk among us: The rise of citizen science*. Environmental Scientist. Special Issue. 2016. № 25 (2). P. 4–10.

7. *Hinchliffe S., Levidow L., Oreszczyn S.* Engaging cooperative research // *Environment and Planning A*. 2014. № 46 (9). P. 2080–2094. URL: <https://doi.org/10.1068/a140061p> (дата обращения: 07.05.2019).

8. *Bull R., Petts J., Evans J.* Social learning from public engagement: dreaming the impossible? // *Journal of environmental planning and management*. 2008. № 51 (5). P. 701–716. URL: <https://doi.org/10.1080/09640560802208140> (дата обращения: 02.04.2019).

9. *Johnston L.* What Is Vigilantism? // *The British Journal of Criminology*. 1996. Vol. 36, № 2. P. 220–236. URL: [doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083) (дата обращения: 14.06.2019).

10. *Moncada E.* Varieties of Vigilantism: Conceptual Discord, Meaning and Strategies // *Global Crime*. 2017. Vol. 18, № 4. P. 403–423. URL: [doi:10.1080/17440572.2017.1374183](https://doi.org/10.1080/17440572.2017.1374183) (дата обращения: 10.04.2019).

11. *Dennis K.* Keeping a close watch — The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure // *Sociological Review*. 2008. Vol. 56, № 3. P. 347–357.

12. *Trottier D.* Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism // *Global Crime*. 2019. URL: [doi:10.1080/17440572.2019.1591952](https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1591952) (дата обращения: 16.06.2019).

Вульфович Р. М.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье выявляются сложности в сочетании компетенций в области экономики, менеджмента и социальных наук, в том числе политологии, в процессе профессиональной подготовки публичных служащих на этапе бакалавриата и магистратуры.

Ключевые слова: компетенции, экономика, политика, подготовка, публичный служащий.

Введение. В 1991 г. постановлениями Правительства РСФСР было создано специальное ведомство для подготовки современных управленческих кадров для рыночной экономики, а также бывшие Высшие партийные школы были преобразованы в подчиненные Роскадрам региональные Кадровые центры [1] для подготовки современных, демократически ориентированных работников для органов государственной власти. Им было передано имущество Высших партийных школ, игравших важную роль в формировании высшего